

приличія и разума ревность литературной полиціи — неизвѣстно, что стало бы съ доброй частію литературнаго достоянія поэта, уже столько лѣтъ находившагося въ обладаніи читающей публики. Но оказалось, что, несмотря даже на „охранную грамоту“, цензоръ заносилъ руку и на стихотворенія, давно обошедшія, въ старомъ изданіи, весь русскій читающій миръ, и, напр., на патріотическую пьесу „Герой“, — „доказывая тѣмъ еще разъ (замѣчаетъ г. Анненковъ), что охрана государственныхъ началъ, устроенная на бюрократическую ногу, часто теряетъ изъ вида, въ погонѣ за призраками, ею созданными, ту самую цѣль, ради которой она и существуетъ“... Тѣ пьесы Пушкина, которыя печатались въ журналахъ, начиная съ 1814 года, но были забыты въ посмертномъ изданіи, были уже совершенно лишены упомянутой охраны, также какъ всѣ тѣ новые отрывки и матеріалы, которые были извлечены вновь изъ рукописей; ихъ въ особенности и приходилось отстаивать издателю. Въ томъ же беззащитномъ положеніи находились „Матеріалы для біографіи“ поэта и примѣчанія, собранныя издателемъ для объясненія Пушкинскаго текста; „но тутъ (говоритъ г. Анненковъ) составитель ихъ зналъ, при какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ онъ работаетъ, и могъ принимать мѣры для огражденія себя отъ непосредственнаго вліянія враждебныхъ силъ... Не трудно указать теперь на многія мѣста его біографическаго и бібліографическаго труда, гдѣ, видимо, отражается страхъ за будущность своихъ изслѣдованій и гдѣ бросаются въ глаза усилія предупредить и отвратить толкованія и заключенія подозрительности и напуганнаго воображенія отъ его выводовъ и сообщеній“.

Просмотръ новаго изданія Пушкина порученъ былъ цензору (А. Фрейгангу), который, по словамъ г. Анненкова, „пользовался репутаціей тонкаго эксперта по части отгадки тайныхъ авторскихъ намѣреній, благодаря только его привычкѣ встрѣчать всякую незаурядную мысль и сильное чувство вопросомъ объ ихъ происхожденіи и, по своему усмотрѣнію, опредѣлять, благонадежно ли оно и имѣетъ ли прямые доказательства своей законности“¹⁾... Въ настоящемъ случаѣ, цензоръ дошелъ въ своихъ запрещеніяхъ до „неимовѣрныхъ рѣшеній“, и хотя эти рѣшенія, въ случаѣ принятія ихъ комитетомъ, становились безапелляціонными, издатель попытался защищать Пушкина. Дѣло было нелегко. Предсѣдателемъ цензурнаго комитета былъ тогда попечитель петербург-

¹⁾ Къ этому лицу относятся цензурныя воспоминанія въ одномъ изъ стихотвореній Некрасова.